DOI: 10.17976/jpps/2023.04.07
EDN: YMWVLA

ОБРАЗ "ВРАГА" И НЕЙТРАЛИТЕТ В КИТАЙСКИХ КАРИКАТУРАХ

Ю.В. Балакина

БАЛАКИНА Юлия Владимировна, PhD (кандидат филологических наук), доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Нижний Новгород, email: julianaumova@gmail.com

Балакина Ю.В. 2023. Образ "врага" и нейтралитет в китайских карикатурах. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 86-104. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.07. EDN: YMWVLA

Статья поступила в редакцию: 26.06.2022. Принята к публикации: 11.01.2023

Аннотация. Работа посвящена исследованию позиции китайских властей, транслируемой международной аудитории издания "Global Times" посредством политических карикатур. В момент нарастания неопределенности в ситуации военно-политического кризиса, обусловленного началом специальной военной операции, карикатуры стали инструментом, способным в простой форме объяснить сложные темы военно-политического противостояния, представляя их аудитории как совокупность простых для понимания смыслов. Методологическую основу исследования составили теория повестки дня и теория зависимости. Под задачи проекта был адаптирован межпредметный классификатор для анализа политических карикатур, предложенный Н.К. Радиной. Для анализа были отобраны 63 карикатуры, опубликованные в "Global Times" с 24 февраля по 1 июня 2022 г. Изучены следующие аспекты: тематика карикатур, их мишени, узнаваемость, предмет обсуждения, соотнесение вербальной и визуальной частей, концентрация юмора, метафоры, прецедентные тексты, интертекстуальность, фреймы, лингвистические особенности, тип воздействия, интенция. Несмотря на меняющуюся новостную повестку, в центре внимания карикатур на протяжении всего периода оставалась внешняя и внутренняя политика США. В отношении военно-политического противостояния РФ и Украины карикатуры подтверждают нейтральную позицию официального Китая, при этом осуждая конфликт как таковой. В карикатурах прямо указывается на виновника конфликта с помощью всех доступных визуальных и лингвистических средств, а также подчеркивается негативная оценка действий "врага" посредством таких фреймов, как агрессия, интервенция и деструктивное поведение. В итоге можно заключить, что ключевой интенцией рассматриваемых политических карикатур является донесение до зарубежной аудитории следующей позиции в достаточно прямолинейной форме: Китай осуждает как внешнюю, так и внутреннюю политику США, определяя эту страну как "врага" не только Китая, но и других стран, и обвиняя ее в геополитическом кризисе. Ограничением данной работы стало отсутствие возможности проведения полноценного количественного анализа. В качестве перспектив видится релевантным провести сравнение с ключевыми смыслами, транслируемыми китайской аудитории.

Ключевые слова: политическая карикатура, Китай, США, конфликт, фреймы, образ врага, геополитический кризис.

Политические карикатуры всегда были мощным инструментом критики и высмеивания режимов [Borjabad, Ruiz del Olmo 2020], а также выступали в качестве трансляторов определенной точки зрения, мотивировали людей на борьбу и воздействовали на общественное мнение [Neuberger, Kremar 2008; Krstić, Aiello, Vladisavljević 2020]. Несмотря на растущую популярность других жанров,

типичных для современных онлайн-медиа, карикатура не утратила актуальности, а в отношении силы воздействия у нее до сих пор нет значимых конкурентов. В качестве примеров можно привести "карикатурный скандал" 2005-2006 гг., повлекший за собой межкультурный конфликт между последователями ислама и носителями западных ценностей [Wetherly 2012], перестрелку в редакции "Шарли Эбдо" в 2015 г. и последующий теракт в Копенгагене, а также убийство французского учителя в октябре 2020 г. Трагические события и конфликты, триггерами которых послужили карикатуры, побудили общественность переосмыслить такие вопросы, как свобода слова, международные отношения [Kuipers 2011; Wetherly 2012], межгосударственная политическая активность [Olesen 2009], и многие другие. В контексте теории политическая карикатура является частью процесса производства и распространения политически значимой информации в обществе с целью транслирования определенной идеологии и формирования конкретных установок. СМИ продолжают использовать карикатуры в ответ на происходящие в мире события, что подтверждает актуальность и востребованность жанра, а также его место в политических процессах.

Чтобы проследить вектор государственной политики и определить, какие установки и образы опосредованно транслируются аудитории, логично исследовать политические карикатуры, созданные в ситуации геополитической неопределенности.

Представляемая работа посвящена анализу карикатур в китайском англоязычном издании "*Global Times*", опубликованных в период с 24 февраля по 1 июня 2022 г. Цель статьи – определить, какой образ "врага" конструируется у аудитории изданием с националистическим уклоном в ситуации неопределенности на начальном этапе украинского кризиса.

В 1988 г. коммунистическая партия Китая взяла курс на подавление голосов оппозиции, а жанр карикатуры был сведен к инструменту коммунистической пропаганды [Chu 2021]. Исследователи отмечают, что на когнитивном уровне для китайских карикатур типично осуждение чужой группы при противопоставлении "мы – они" [Zhang 2021]. При этом китайские медиа призваны направлять общественное мнение в "правильное" русло, чтобы способствовать политическому единству, социальной стабильности и поднятию духа граждан [Chan 2007]. В итоге в Китае процветают два главных направления в карикатурном жанре: осуждение "врага" и прославление власти.

Принимая во внимание эти факты, можно предположить, что, несмотря на внезапно развернувшийся мировой кризис, спровоцированный военно-политическим противостоянием РФ и Украины, китайские карикатуристы будут придерживаться выбранной линии и сосредоточатся на осуждении "врага", который, в отличие от китайской власти, косвенно вовлечен в конфликт. Кроме того, с учетом нейтральной позиции Китая в отношении специальной военной операции представляется вероятным, что карикатуры не будут эксплицитно демонстрировать осуждение сторон конфликта.

В исследовании будет сделана попытка ответить на следующие вопросы.

1. В ситуации зарождающегося геополитического кризиса содержатся ли в карикатурах прямые указания на виновного в происходящих событиях?

2. Какие характеристики образа "врага" превалируют в карикатурах?

3. Какая оценка дается действиям героев карикатур?

Новизна и значимость представляемого исследования заключаются в интеграции междисциплинарного подхода к анализу политической карикатуры как части политического процесса, а также в материале исследования – точ-

ке отсчета глобального кризиса, спровоцированного началом специальной военной операции, пронизанного шоком, неопределенностью и критикой отдельных акторов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Политические карикатуры – популярный объект исследования в различных областях научного знания как в России, так и за рубежом. Метаанализ, проведенный К. Чен, Р. Фиддиан и Р. Стюарт, показывает, что место исследований политической карикатуры в науке до сих пор четко не определено, это говорит о не полностью сформированном исследовательском поле [Chen, Phiddian, Stewart 2017]. Возникающее в результате этого разнообразие подходов, фокусов и предметов можно считать сильной стороной, поскольку все эти дисциплины вносят вклад в развитие данной области исследования.

В содержательном компоненте исследований политических карикатур в контексте политологических исследований выделяются следующие ключевые темы:

– особенности репрезентации политического лидерства в карикатурах [Calogero, Mullen 2008; Conners 2017; Chikaipa 2019; Kwon 2019; Рогозинникова 2018];

– образы мировых политических элит [Султыева 2021; Лебедева 2021];

– реконструкция образа России и других стран в карикатурах [Вербицкая 2017; Иванова 2018; Zhirnova 2021; Ипеева 2022];

– репрезентация конфликтов [Чурашова 2012; Шустрова 2015; Мельников 2018; Денисова 2021].

С точки зрения формы современные политические карикатуры следуют традициям жанра, представляя собой в большинстве случаев авторский рисунок с включением текстовых элементов (заголовок, реплики, подписи). С лингвистической точки зрения карикатуры относятся к мультимодальным текстам [Kress, van Leeuwen 1996, 2001][1], ключевая особенность которых заключается в использовании нескольких семиотических систем для конструирования смысла [Barthes 1977].

Визуальный компонент карикатуры представляет сложные политические процессы и события в максимально простой для понимания форме с помощью метафор, гипербол, литот и других приемов, акцентируя внимание аудитории на самом важном. Приемы подбираются таким образом, чтобы минимизировать вероятность непонимания. Узнаваемость мишени карикатуры обеспечивается с помощью типичной внешности, символов и подписей.

Считается, что политические карикатуры не столько нацелены на юмористический эффект, сколько призваны дать политические и социальные комментарии и критику [Genova 2018]. Сарказм и ирония карикатур могут быть достаточно сложными для понимания широкой аудиторией [Sanina 2019; Tsakona 2009; Yingchi 2020]. Очевидно, что из одной карикатуры можно извлечь разные смыслы, и этот факт следует принимать во внимание при исследовании влияния карикатур на аудиторию.

Для декодирования карикатуры необходимы фоновые знания, так как карикатуры обычно контекстуально и культурно обусловлены. Это выража-

[1] В российской научной традиции используются термины “креолизованные тексты”, “поликодовые тексты”, “полимодальные тексты”.

ется в использовании прецедентных феноменов и интертекста для критики и высмеивания мишеней карикатуры, что приводит к конструированию "многослойности" значений. Так, если читатель не знаком с представленным в карикатуре прецедентом или другим текстом культуры, на который ссылается карикатура, то часть значения, заложенная автором, будет упущена. Однако это не означает невозможность декодирования послания, так как для понимания чаще всего достаточно декодировать "ядро" смысла[2].

Несмотря на достаточно простую для считывания основной информации форму, доступную для большей части аудитории, декодирование содержания карикатуры – комплексный процесс, который исходит из понимания метафорического переноса, прецедентных феноменов, интертекстуальности и языковых средств и требует от аудитории как непосредственно считывания прямых смыслов, так и дешифровки переносных значений.

Следующий актуальный вопрос: какие теоретико-методологические подходы и методики анализа используют отечественные и зарубежные исследователи для анализа политических карикатур?

Как отмечает Н.К. Радина, "исследования, посвященные политической карикатуре, теоретизированы с опорой на семиотический подход, поскольку понимание карикатуры тесно связано с интерпретацией системы знаков, следовательно, семиотика и семиотический подход оказываются неизбежно востребованными" [Радина 2021]. Необходимо отметить визуальный социальный семиотический подход к интерпретации знаков (*semiotic multimodal analysis*), предложенный Г. Крессом и Т. ван Левеном [Kress, van Leeuwen 1996]. В своей совместной работе "*Reading images – the grammar of visual design*" авторы адаптировали для визуального модуса социально-семиотический подход к языку М. Хэллидея, который описывает функционирование языковых знаков в обществе [Halliday 1973]. Также в исследовании карикатур широко применяется мультимодальный критический дискурс-анализ (см. [Lennon, Kilby 2020]). Кресс и ван Левен предлагают к анализу такие характеристики карикатур, как композиция, цвет, представленные участники, перспектива и текстовые компоненты [Kress, van Leeuwen 2001].

Кроме того, в исследованиях политического дискурса в медиа нельзя недооценивать роль медиафреймов, особенно когда повышается уровень неопределенности. Фреймировать событие означает утаивать некоторую информацию или отдавать предпочтение одним фактам перед другими [Soroka et al. 2018]. К. Лин и К. Лаге признают, что значение медиафреймов возрастает при передаче информации о сложных, незнакомых событиях, поскольку они помогают общественности осознать и обдумать причины, сформировать у аудитории интерпретацию таких событий [Lin, Lagoe 2013]. А. Абдель-Рахим в своей работе [Abdel-Raheem 2017] излагает основы для построения общей теории графического фреймирования (*pictorial framing*) с использованием модели блендинга [Fauconnier, Turner 1998], теории релевантности [Sperber, Wilson 1995] и семантики фреймов [Fillmore 1985]. В этой теории на самом общем уровне концепция графического фреймирования относится к едва различимым изменениям в визуальном представлении проблем, связанных с оценкой и выбором. В частности, изображения рассматриваются как кон-

[2] "Ядром" может считаться определенный сценарий (фрейм), реализованный в карикатуре, герой-мишень или тематика. Тот замысел, который эксплицитно реализован в визуальной и/или текстовой составляющей карикатуры и не требует установления дополнительных когнитивных связей и обобщений.

струкции, а графический смысл – как сложная сеть связанных фреймов. То есть способ, которым проблема "графически фреймирована", может сильно повлиять на восприятие зрителей.

Комплексная методика для анализа структуры и содержания политической карикатуры через описание когнитивных сценариев с акцентом на метафоры как эффективное средство конструирования образов была использована в работе А.В. Петровой и М.В. Петрова [Петрова, Петров 2019]. Их исследование включает лингвистический анализ с целью выявления метафорических значений, идентификацию прецедентных феноменов, определение функционального потенциала политических карикатур, типологизацию сцен когнитивных сценариев и статистической обработки данных. Авторы отмечают универсальность предложенного подхода, акцентируя внимание на возможности построения единой когнитивно-семантической модели с ее инфраструктурой.

Комбинация сравнительно-исторического и контент-анализа карикатур была применена С.С. Мельниковым для анализа конфликта между Россией и Западом в российской политической карикатуре [Мельников 2018]. Предлагаемая программа контент-анализа составлена в соотнесении с уровнями анализа визуального образа и состоит из анализа первичного фактического содержания, первичного экспрессивного содержания, вторичного (условного) содержания и внутреннего содержания (значения). Автор отмечает перспективность метода для формулирования предварительных выводов и новых гипотез.

Все работы, посвященные анализу политической карикатуры, интегрируют несколько подходов и методов анализа. В зависимости от цели исследования в фокусе может находиться один аспект – лингвистический, политологический, психологический и др. Использование лингвистических инструментов для решения различного рода исследовательских задач, в том числе политологического характера, требует от исследователя многопрофильных компетенций, что, очевидно, относит политические карикатуры к амбициозным объектам исследования. К тому же множество теоретико-методологических подходов и методик анализа подтверждает, что все возможности политической карикатуры до сих пор не раскрыты. Ученым из разных областей знаний стоит обращаться к накопленному опыту в других, смежных областях. Например, исследования карикатур в политологии (здесь мы говорим в первую очередь о медиаисследованиях) должны интегрировать базовые положения теории мультимодальности и теорий медиа для обобщения и выводов.

Методология

Исследование основывается на теории повестки дня [McCombs, Shaw 1972]. Согласно этой теории, СМИ не навязывают аудитории конкретные идеи и идеологемы, а определяют значимость и приоритетность событий, выстраиваемых в социальном воображении. Так, политическая карикатура осмысляет актуальные тематики и задает информационную повестку дня [Sani et al. 2012]. События 24 февраля 2022 г. не только послужили триггером чрезвычайной медийной активности, но также выявили необходимость сформировать понимание текущих событий у населения максимально быстрым и доступным способом. В издании "*Global Times*" наряду с короткими видео, представляющими позицию того или иного лидера мнений, для формирования повестки активно использовались карикатуры.

Помимо этого, в основе методологии лежит теория зависимости, утверждающая ограниченное влияние СМИ на то, как люди думают, чувствуют и ведут

себя [Ball-Rokeach, DeFleur 1976]. Выбор обусловлен тем, что во время любого кризиса потребность в информации резко возрастает и люди, сталкиваясь с неопределенностью, пытаются разрешить двусмысленность. Они ищут достоверную информацию, пытаясь найти ответы на вопросы и сформировать нужные установки. В этот момент они наиболее уязвимы перед воздействием со стороны СМИ, транслирующими определенную повестку и идеологию.

Для анализа была выбрана англоязычная версия ежедневного издания "*Global Times*", которая была запущена в 2009 г. с целью составить конкуренцию мировым СМИ. Публикуемый контент китайской и англоязычной версии различается, что подтверждает ориентацию англоязычной версии на внешнюю аудиторию. Владельцем издания является Центральный комитет Коммунистической партии Китая. До сих пор не существует консенсуса относительно степени вовлеченности издания в государственную пропаганду. Однако, принимая во внимание интересы владельца издания, отмечается, что издание транслирует позицию китайских властей по международным проблемам на внешнюю аудиторию. Таким образом, публикации могут рассматриваться как презентация позиции ЦК КПК на международной арене.

Методом сплошной выборки с сайта издания были отобраны 85 карикатур за период с 24 февраля по 1 июня 2022 г., из которых 63 были включены в выборку как связанные с темой российско-украинского конфликта. Стоит отметить, что частота публикаций постепенно снижалась. В первые недели выходило по несколько карикатур в сутки, а после – по одной в несколько недель. Снижение интенсивности публикаций согласуется с теорией повестки дня, так как в течение трех месяцев появилось достаточно других инфоповодов (например, авиакатастрофа в Китае, президентские выборы во Франции, обезьянья оспа и другие) для переключения внимания населения. Кроме того, вероятно, цель первоначальных интенсивных публикаций была достигнута, т.е. у аудитории было сформировано определенное отношение.

Мультимодальный анализ отобранного материала был проведен с опорой на межпредметный классификатор для исследования политических карикатур в дискурсе медиа, разработанный Н.К. Радиной [Радина 2021]. Данный классификатор интегрирует знание о карикатурах из лингвистики, социальной психологии, политологии и психологии познавательных процессов, а также учитывает теоретические идеи российских лингвистов о необходимости комплексного анализа вербальных и невербальных частей мультимодальных текстов. Для целей исследования классификатор был адаптирован и состоял из следующих блоков: тематика карикатуры, ее мишени, узнаваемость, предмет обсуждения, соотнесение вербальной и визуальной частей карикатуры, концентрация юмора, метафоры, прецедентные тексты, интертекстуальность, фреймы, лингвистические особенности, тип воздействия, интенция. Заголовки к карикатурам были также интегрированы в анализ.

В качестве ограничения можно отметить, что объем выборки не позволяет провести полноценный количественный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Тематика карикатур

Большинство проанализированных карикатур обсуждают внешнюю политику (по отношению к Китаю). В частности, объектами карикатур стали отношения между США и Украиной, США/НАТО и Европой, США и мировым

сообществом, Западом и Россией, США и Россией/Украиной. Стоит также отметить внимание издания к отношениям США и Китая, НАТО и Китая.

Критике подверглась и внутренняя политика США. Например, на рис. 1 мы видим критику политики США в отношении мер, предпринимаемых для сдерживания пандемии COVID-19. Китай применяет политику нераспространения заболевания (*0 covid policy*), поэтому пренебрежение властей США проблемой коронавируса подвергается критике. В то же время представленная карикатура критикует действия США в отношении российско-украинского конфликта.

Рисунок 1 (Figure 1)

Лю Жуй "Ошибочные приоритеты"
Liu Rui "Misplaced priorities"[3]

Интересно проследить динамику публикаций карикатур, посвященных определенным темам. С 24 по 28 февраля 2022 г. были опубликованы четыре карикатуры, и все они были посвящены теме российско-украинского конфликта. В марте тематическое поле расширилось: доминировали темы отношений США и мирового сообщества, США и Европы, НАТО и России, США и российско-украинского конфликта. Также встречались карикатуры, критикующие внутреннюю политику США, Австралии и Японии. В апреле в фокусе все еще оставались отношения США и мирового сообщества на фоне российско-украинского конфликта, США/НАТО и российско-украинский конфликт. В то же время все больше внимания уделялось отношениям США и Китая, США и Тайваня. Наконец, в первой половине мая фокус сместился на внутреннюю и внешнюю политику США.

Мишени карикатуры

Мишень карикатуры – это либо социальная группа, либо конкретные лица. Во всей выборке только одна карикатура направлена против конкретных лиц, а именно высокопоставленных чиновников США, Канады и Великобритании. Во всех остальных случаях издание в качестве мишеней эксплуатировало собирательные образы американской власти (28 карикатур), ЕС (5), НАТО (5), военно-промышленного комплекса США (2). Несколько карикатур было создано с целью высмеять Японию, западных политиков, Тайвань, Австралию и др. Оценка групп мишеней в карикатурах – однозначно

[3] Источник: Misplaced priorities. *Global Times*, 10.05.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265274.shtml (accessed 20.05.2023).

негативная. Негативный образ конструируется комплексно: за счет названия карикатуры (с помощью лингвистических инструментов), сюжета рисунка и подписей/реплик на карикатуре, компрометирующих деталей – таких как кровь и оружие (см., например, рис. 2).

Рисунок 2 (Figure 2)

Лю Жуй "Манипулятивная игра США"
Liu Rui "US' game of manipulation"[4]

Фраза из заголовка статьи "*game of manipulation*", имеющая негативную коннотацию, реализуется в рисунке, представляя собирательный образ американской власти как кукловода и пострадавших от ее "игры" беженцев, горящие дома и разрушения.

В карикатурах НАТО предстает как инструмент США. Там, где они изображены вместе, очевидно, что США – это субъект, а НАТО – инструмент реализации определенных действий (см. рис. 4, 5).

Узнаваемость

Достичь узнаваемости мишени карикатуры для широкой аудитории – одна из ключевых задач автора. Для этого могут задействоваться различные средства, маркирующие субъектов карикатуры. В нашем материале такие типичные приемы, как зооморфизмы или внешнее сходство героев карикатуры с реальными людьми (один случай из выборки), не применялись, а вместо этого использовалась символика (национальные флаги, флаги объединений или подписи). Результаты моего исследования схожи с выводами, к которым пришел в своей работе Ю. Чу, изучая карикатуры, посвященные коррупции: китайские авторы избегают прямого сходства мишени карикатуры с конкретными личностями [Chu 2021].

В большинстве случаев основной "враг" представлен в образе американского дяди Сэма, который легко идентифицируется по костюму и шляпе цветов американского флага.

Предмет обсуждения

Проанализированные карикатуры представляют собой комплексные феномены, которые обсуждают установки и суждения героев карикатур, их поведение, отношения друг с другом, намерения и планы, а также ресурсы.

В целом превалирует такой тип поведения объектов, как агрессия, нарушение правил; отношения объектов друг с другом могут быть охарактеризованы

[4] US' game of manipulation. *Global Times*, 13.03.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202203/1254746.shtml (accessed 20.05.2023).

как манипулирование, соперничество, предательство; разрушительные намерения и планы, а также ресурсы – технологические, выраженные в денежном эквиваленте или в виде санкций. Например, на следующей карикатуре (см. рис. 3) мы видим критику отношений США и Европы, определяемых как предательство и манипулирование. Автор карикатуры с помощью комбинации вербального и визуального компонентов критикует действия и планы США в отношении Европы.

Рисунок 3 (Figure 3)

Лю Жуй "Лицемер"
Liu Rui "A double-dealer"[5]

Соотнесение вербального и визуального модусов карикатуры и концентрация юмора

Анализ отношений между изображением и текстовой составляющей в карикатурах основывался на классификации Р. Барта [Barthes 1977] и А. Самсона, О. Хубера [Samson, Huber 2007]: первый тип отношений – смысловое доминирование изображения (*anchorage*), где текст выступает в роли дополнения, комментируя, разъясняя изображение; второй тип – изображение дополняет или иллюстрирует текст (*illustration*), и без изображения в данном случае велика вероятность, что текст будет неправильно истолкован; третий тип – равноправие, где смыслы, конструируемые и текстом, и изображением, понятны сами по себе, читатель, осмысливая карикатуру, как бы переключается между ними (*relay*).

Стоит отметить, что большинство карикатур, учитывая кризисный контекст и напряженную политическую ситуацию, представляют собой примеры острой критики через сарказм.

Во всех рассмотренных примерах сатира и юмор конструируются за счет стереотипизации политической или национальной идентичности, а также неравенства в межгрупповых отношениях. Несмотря на то, что главный "враг" Китая представлен в образе гегемона, принимающего решения, его действия за счет гиперболизации представляются избыточными и, зачастую, неуместными.

В большинстве проанализированных карикатур (35) акцент на юмор сделан в визуальной части, а текст поддерживает изображение, выполняя

[5] A double-dealer. *Global Times*, 04.05.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202205/1264813.shtml (accessed 20.05.2023).

уточняющую или описательную функцию (см. рис. 1). Второй по частотности вариант (18) – рассредоточение юмора между визуальной и текстовой составляющими (см. рис. 4).

Рисунок 4 (Figure 4)

Лю Жуй "Нездоровая одержимость"
Liu Rui "Unhealthy obsession"[6]

Отдельного внимания заслуживают карикатуры, где юмористический эффект достигается в результате несовпадения/конфликта визуального и вербального кодов, что однозначно усиливает оценочное значение. Таких случаев было выявлено четыре (см., например, рис. 3: нож в спину противоречит реплике об оказании поддержки, представляя "врага" в образе лицемерного лгуна).

Метафоры

Использование концептуальных метафор в карикатурах – достаточно действенный инструмент достижения юмористического/сатирического эффекта. Метафоры также позволяют имплицитно привлекать внимание аудитории к тем или иным качествам объекта сатиры или его действиям. Для описания карикатур была использована теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980], согласно которой метафоризация строится на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры "источника" (*source domain*) и когнитивной структуры "цели" (*target domain*). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (*metaphorical mapping*), или "когнитивное отображение" (*cognitive mapping*).

В качестве примера рассмотрим следующую карикатуру (см. рис. 5): российско-украинские противоречия представлены в образе динамита, а расширение НАТО – зажигалки, что позволяет читателю установить причинно-следственные связи между ними. Восстанавливая метафорический перенос, можно интерпретировать карикатуру следующим образом: противоречия между Россией и Украиной – это угроза дестабилизации, а действия США (так как НАТО рассматривается в качестве инструмента в руках США) определяются как подстрекательство. Характеристики сферы источника (т.е.

[6] Unhealthy obsession. *Global Times*, 10.04.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202204/1258946.shtml (accessed 20.05.2023).

динамита) – взрывоопасный, легковоспламеняющийся – переносятся на отношения двух стран. Метафора зажигалки (поджог, огонь) означает разрушительную силу, противоправное действие со стороны США. Похожий прием обнаружен в карикатуре, где Европа изображена в образе горящего дома, а Америка – с канистрой бензина в руке. Упрощенные сценарии, используемые в карикатуре для передачи ключевой идеи, можно сформулировать следующим образом: совершать подобные действия – неправильно. Соответственно, тот, кто на них решается, нарушает правила и достоин осуждения.

Рисунок 5 (Figure 5)

Лю Жуй "Безопасность или нестабильность?"
Liu Rui "Security or instability?"[7]

Санкции изображаются в виде дубинки с шипами, что подчеркивает не просто доминирование и насилие, но и особую жестокость. Мишенью подобной жестокости на карикатуре является котенок как воплощение беззащитности стран перед гегемоном. Или, например, на рис. 6 мы видим Украину в образе жертвенного животного.

На следующем примере (см. рис. 7) американский автомобиль имеет явное преимущество на дороге. Автор изобличает большой автомобиль в нарушении правил: тот проезжает на красный, расталкивая маленькие автомобили. Акцент делается на доминировании. Схожая интенция просматривается в карикатуре, где НАТО – спрут, захватывающий планету.

Прецедентные тексты и интертекстуальность

Прецедентные феномены и примеры интертекста как части культурного контекста используются автором для кодирования сообщений. В собранном материале были выявлены, например, фразеологизмы "нож в спину" (см. рис. 3), "подливать масла в огонь", а также международная эмблема "голубь мира". Можно отметить комплексное использование прецедентных феноменов в текстовом и визуальном компоненте. Например, на рис. 6 представлены символы и атрибуты индейцев майя, и речь, произносимая на вершине пирамиды, может быть расценена как часть традиционного обряда жертвоприношения. В данном примере реализован фразеологизм "возложить на алтарь".

[7] Security or instability? *Global Times*, 27.02.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202202/1253348.shtml

Рисунок 6 (Figure 6)

Лю Жуй "Ягненок на заклание"
Liu Rui "A lamb to the slaughter"[8]

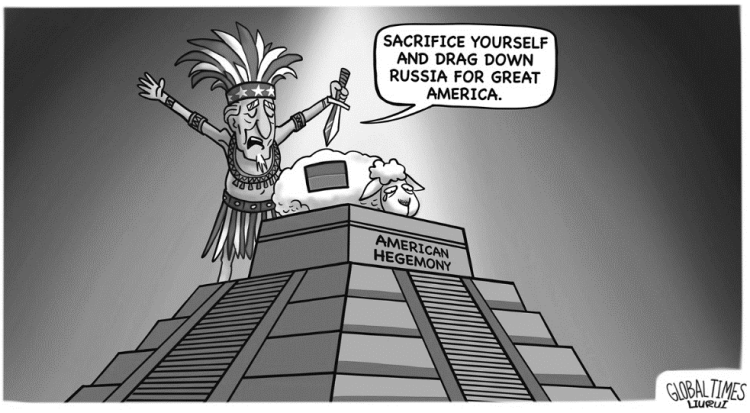
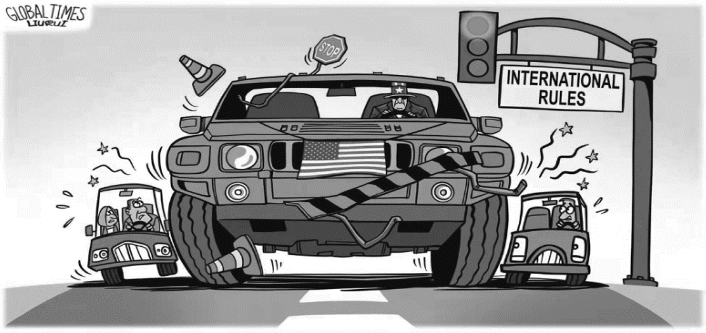

Рисунок 7 (Figure 7)

Лю Жуй "Наезд на правила"
Liu Rui "Running over rules"[9]

Еще один пример – фразеологизм в заголовке *"Discarded card"* ("Сброшенная карта") и иллюстрация в карикатуре (см. рис. 8).

Пример фразеологизма был реализован в текстовой составляющей *"not on my watch"* (только через мой труп) и в заголовках: *"passing the buck"* (перекладывать ответственность), *"a double-dealer"* (лицемер).

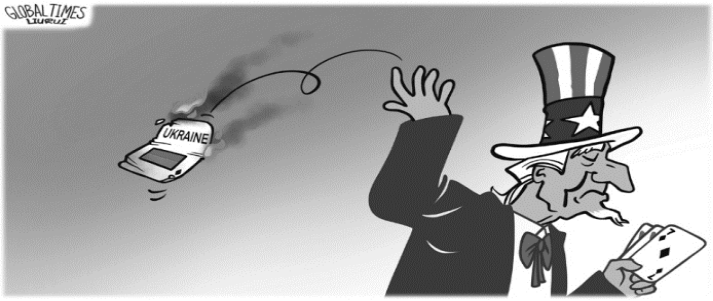
Помимо прецедентных текстов были выявлены примеры интертекста, которые связывают карикатуры с другими текстами, продуцированными в разное время и имеющими различных адресатов и контекст создания. Эти тексты объединены некой смысловой общностью (зачастую ассоциативной и субъективной), которая актуализируется благодаря наличию в тексте вербальных или визуальных включений, чей источник легко узнаваем адресатом.

[8] A lamb to the slaughter. *Global Times*, 23.05.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202205/1266388.shtml (accessed 20.05.2023).

[9] Running over rules. *Global Times*, 02.03.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202203/1253775.shtml (accessed 20.05.2023).

Рисунок 8 (Figure 8)

Лю Жуй “Сброшенная карта”
Liu Rui “Discarded Card”[10]

Так, сам образ “врага” – дядя Сэм – яркий пример интертекста. Помимо этого, на одной из карикатур, не включенных в статью, мы видим отсылку к статусу Курильских островов и прекращению безвизовых поездок японских граждан на южные Курильские острова, а также к выходу из диалога о налаживании там совместной хозяйственной деятельности.

В визуальном компоненте использовались и логотипы соцсетей компаний (*YouTube*, *Google*, *Twitter* и др.), а также символ *Z*.

Фреймы

Фреймы можно определить как когнитивные структуры, необходимые для понимания и аргументации [Fillmore 1985; Goffman 1974]. Они состоят из элементов, часто называемых “семантическими ролями”, и могут содержать последовательности действий, называемых “сценариями” [Lakoff 2008]. В настоящем исследовании использовалась теория “графического фреймирования” [Abdel-Rahim 2017], где оно выполняет те же функции, что и лингвистическое, и может оказывать потенциально сильное влияние на восприятие адресатами политических событий.

В проанализированном материале доминируют фреймы агрессии, интервенции (см. рис. 4) и деструктивного поведения (см. рис. 3, 6, 7) со стороны США и НАТО. Эти фреймы активируются через изображения оружия, крови, разрушений, иллюстрацию нарушения правил, насилия, через визуальные метафоры, позволяющие установить причинно-следственные связи. Вербально фреймы активируются за счет негативно окрашенной лексики, такой как *two-faced* (двуличный), *double-dealer* (лицемер), *contentious* (вздорный), *ban* (запрет), *cracks* (конфликты) и т.д.

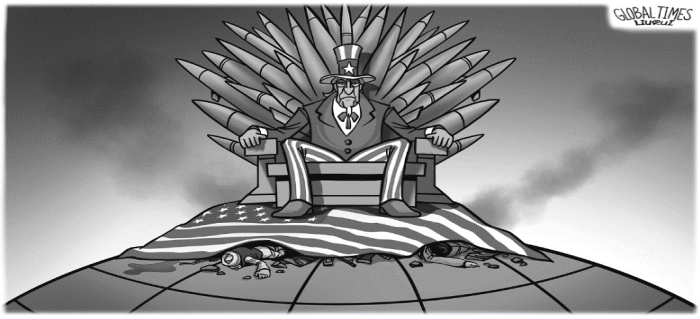
Кроме того, в достаточном количестве были выявлены фреймы провокации и мошенничества, игры (см. рис. 1, 8). Фрейм презентации используется для раскрытия конкретного образа. Рисунок 9 является ярким примером презентации образа “врага”. Подпись карикатуры “*Meet uncle ‘Lord of War’ Sam*” (“Познакомьтесь с дядей ‘богом войны’ Сэмом”) совместно с заголовком акцентирует внимание на двух характеристиках “врага” – гегемон, разжигающий войны. В графической составляющей карикатуры аудитория

[10] Discarded card. *Global Times*, 10.05.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202202/1253159.shtml (accessed 20.05.2023).

находит подтверждение этим словам через демонстрацию летального оружия, крови, жертв (определенной этнической принадлежности), дыма от разрушений. Проанализировав все карикатуры за выбранный временной отрезок, можно заключить, что именно это изображение можно считать ключевым в образе "врага", его презентацией. Похожая карикатура была опубликована 31 мая, на ней мы видим США в образе полицейского с дубинкой, стоящего на постаменте. Вокруг постамента – оружие, тела убитых, кровь, огонь. Реплика, которую произносит полицейский, гласит: "Только мои правила!".

Рисунок 9 (Figure 9)

Лю Жуй "Дом Гегемонии"
Liu Rui "House of Hegemony"[11]

Отдельно стоит выделить карикатуры, где лингвистический компонент противоречит визуальному (см., например, рис. 3). В этом случае когнитивный фрейм актуализируется через визуальный компонент карикатуры, так как именно изображение иллюстрирует пример деструктивного поведения, в то время как лингвистический компонент (если бы был рассмотрен отдельно) актуализирует фрейм сотрудничества, кооперации. Здесь мы наблюдаем диссонанс смыслов, направленный на усиление негативной оценки аудиторией действий, представленных на карикатуре. Кроме того, данный диссонанс формирует основу сарказма.

Лингвистические особенности

Здесь хотелось бы привести примеры языковой игры, в которую вовлечены как текстовый компонент, так и визуальный. Если мы обратимся к рис. 7, то становится очевидно, что фраза "*running over rules*" (наезд на правила), имеющая переносное значение в заголовке, реализована в прямом значении в визуальной составляющей карикатуры. Или, например, заголовок "*hegemony tentacles*" (щупальца гегемонии) и изображение спрута, охватывающего щупальцами земной шар. Еще один похожий пример – в картинке реализована фраза "*to milk money*" (доить (получать) деньги), а в заголовке существительное "*money*" (деньги) заменено автором на более актуальное в контексте происходящих событий существительное "*crisis*" (кризис).

[11] House of Hegemony. *Global Times*, 20.03.2022. https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255341.shtml (accessed 20.05.2023).

Тип воздействия, интенция

Оценка интенционального воздействия вербальной части текста предполагает определение типа воздействия и конкретной интенции [Радина 2021].

Несмотря на то, что оценивать вербальный и визуальный компонент карикатур рекомендуется согласно интенциям и типам воздействия по отдельности, в целом в проанализированном материале не было выявлено существенных противоречий между компонентами. Результаты представлены в таблице ниже (см. табл.).

Таблица (Table)

Интенциональность вербального и визуального кодов карикатур
Intentionality of verbal and visual codes of cartoons

Текстовый компонент	Визуальный компонент	Количество карикатур
Контрольно-реактивный тип (разоблачение, критика)	Дискредитация, обвинение, критика	20
Контрольно-реактивный тип (сарказм, разоблачение)	Сарказм, критика	16
Контрольно-реактивный тип (сарказм, злорадство)	Сарказм/злорадство	3
Контрольно-реактивный тип (критика, ирония)	Дискредитация, обвинение, критика	3
Информативно-воспроизводящий тип (выражение несогласия)	Дискредитация, обвинение, критика	4
	Выражение несогласия, критика	10
Информативно-воспроизводящий тип (выражение несогласия)	подстрекательство к негативному, провокация	2
Эмотивно-консолидирующий тип (привлечение внимания)	Дискредитация, обвинение, критика	3
Волюнтивно-директивный тип (обвинение)	Обвинение, критика	2

Из данных, представленных в таблице, очевидно, что в тексте карикатур преобладает контрольно-реактивный тип воздействия, т.е. дается оценка происходящему, которая выражается визуально в форме критики, дискредитации, обвинения и сарказма. Информационно-воспроизводящий тип воздействия текста призван отразить в речи наблюдаемое. Представляемая картина мира в визуальной составляющей получает прямолинейную оценку в виде выражения несогласия, критики, обвинения или провокации. Эмотивно-консолидирующий тип воздействия в тексте предлагает собственную картину мира для кооперативного взаимодействия, привлекая внимание аудитории к проблеме. В то же время волюнтивно-директивный тип призван внести изменения во фрагмент действительности. Оба типа воздействия в визуальной составляющей сводятся к реализации таких интенций, как обвинение и критика.

Заключение

Англоязычные китайские СМИ, контролируемые государством, играют важную роль во внешнеполитической пропаганде как одно из наиболее активно развивающихся направлений китайской политики, транслируя позицию, выгодную партии. Англоязычное издание "*Global Times*" под эгидой "*People's daily*" – официальной газеты Центрального комитета Коммунистической партии Китая

(КПК) – также может быть рассмотрено как инструмент влияния на международной арене. Учитывая систему жесткого контроля за СМИ в Китае [Бейдина, Макарова 2014; Zou 2021], информация, публикуемая в данном издании (в том числе и карикатуры), согласуется с идеологическими установками партии, транслируя позицию ЦК КПК внешней аудитории.

События 24 февраля 2022 г. шокировали мировое сообщество и потребовали от мировых лидеров сформулировать четкую позицию в отношении конфликта. В тот же день на сайте издания "*Global Times"* появились две карикатуры: "Сброшенная карта" и "Настоящий поджигатель", где Украина предстала в образе жертвы и марионетки в руках США, которым приписывалась роль реального инициатора военного столкновения. Позиция, отраженная в самых первых карикатурах, долгое время оставалась неизменной.

Карикатуры стали инструментом, способным в достаточно простой форме объяснить сложные темы конфликта и противостояния, представляя их аудитории как совокупность простых для понимания смыслов. Кроме того, карикатуры оказались удобным способом артикулировать официальную позицию, так как метафорический перенос и сатира позволили нивелировать негативный посыл, т.е. обвинения, выраженные в форме карикатуры, не были восприняты так остро, как, например, обвинения, сделанные в официальных заявлениях. Все, о чем молчали официальные лица, следуя внешнеполитической повестке, нашло свое отражение в карикатурах издания, работающего под эгидой КПК. Транслируемая позиция выбивалась из общего информационного потока обвинений и ненависти тем, что Россия не предстает в образе агрессора. Более того, во всей собранной коллекции Россия появляется всего лишь дважды в собирательном нейтральном образе мужчины. Таким образом, китайские карикатуры транслировали позицию если не поддержки РФ, то по крайней мере понимания, что было невозможно отразить в официальных заявлениях.

По результатам проведенного анализа с использованием межпредметного классификатора можно заключить, что выдвинутые гипотезы подтвердились.

Несмотря на то что в инфоповоде главную роль играют Россия и Украина, ключевая тематика карикатур и главные мишени – это "враг" Китая, а именно США и их союзники. Информационная повестка с течением времени меняется, однако критика США в карикатурах неизменна. Тем не менее проявление сочувствия к одной из сторон конфликта через конструирование образа жертвы говорит об осуждении китайскими властями конфликта как такового.

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно сделать вывод, что в китайских карикатурах содержатся прямые указания на виновного в российско-украинском конфликте. Данная информация выражена эксплицитно как в текстовой, так и в визуальной форме. Учитывая, что "враг" и виновник – один и тот же субъект (США), его образ конструируется с помощью дискурса разрушения, девиантного поведения, провокации и гегемонии, и это приводит нас к выводу об однозначно отрицательной оценке действий мишени карикатур. Критике подвергается не только внешняя политика "врага", но также и внутренняя.

Можно заключить, что международной аудитории в достаточно прямолинейной форме транслируется позиция, согласно которой США – не только "враг" Китая, но и вселенское зло, спровоцировавшее российско-украинский конфликт и геополитический кризис. Китай не поддерживает силовое решение противоречий, но и не осуждает открыто вовлеченные в конфликт

стороны (Россию и Украину), придерживаясь нейтральной позиции. Данный вывод согласуется с китайской политикой "поверхностного нейтралитета", где прокитайская пропаганда прикрывается поверхностным впечатлением беспристрастности [Moore, Colley 2022].

DOI: 10.17976/jpps/2023.04.07

THE "ENEMY" AND NEUTRALITY IN CHINESE CARICATURES

J.V. Balakina[1]

[1] *HSE University. Nizhny Novgorod, Russia*

BALAKINA, Julia Vladimirovna, PhD, Associate Professor, Department of fundamental and applied linguistics, HSE University in Nizhny Novgorod, email: julianaumova@gmail.com

Balakina, J.V. (2023). The "enemy" and neutrality in Chinese caricatures. *Polis. Political Studies*, 4, 86-104. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.07

Received: 26.06.2022. Accepted: 11.01.2023

Abstract. The timeliness of the present research is determined by the undying relevance of political cartoons and their considerable political potential. The military-political crisis caused by the start of the special military operation brought about growing uncertainty and made cartoons an effective means of explaining complex issues in a simple way to general public. In the study 63 political cartoons published in the Chinese online newspaper "Global Times" (the English version) between 24.02.2022 and 01.06.2022 were scrutinized. The study relies on the agenda-setting theory and dependency theory. The interdisciplinary classifier proposed by N. Radina was adapted to the objectives of the research and comprised the following components: the topic of the cartoons, their targets, recognition, the subject of discussion, the correlation of the verbal and visual parts of cartoons, the concentration of humor, metaphors, precedent texts, intertextuality, frames, linguistic features, the type of impact and intention. The results indicate that throughout the period, the foreign as well as domestic policy of the United States was the main focus of the cartoons despite the changing news agenda. Furthermore, the cartoons confirm the neutral position of official China, all the while condemning the conflict as such. The cartoons directly point to the culprit of the conflict employing all available visual and linguistic means, and also emphasize the negative assessment of the actions of the "enemy" via such frames as aggression, intervention and destructive behavior. Thus, it can be concluded that the main intention of the published cartoons was to convey to the foreign audience the following position in a fairly straightforward manner: China condemns both the US's foreign policy and domestic policy, defining the country not only as an "enemy" of China, but also of other countries, and accusing "Uncle Sam" of fueling the conflict, and the geopolitical crisis. One of the limitations of this analysis is the inability to conduct a full-fledged quantitative analysis. As perspectives for further research, the ongoing comparison of the key meanings derived from the messages transmitted to the Chinese audience seems relevant.

Keywords: political cartoon, China, USA, conflict, frames, the image of the "enemy", geopolitical crisis.

References

Abdel-Raheem, A. (2017). Decoding images: toward a theory of pictorial framing. *Discourse & Society,* 28(4), 327-352. https://doi.org/10.1177/0957926517702978

Ball-Rokeach, S., & Defleur, M. (1976). A dependency model of mass-media effects. *Communication Research,* 3(1), 3-21. https://doi.org/10.1177/009365027600300101

Barthes, R. (1977). The photographic message. In Barthes, R., *Image-Music-Text* (pp. 15-41). London: Fontana.

Borjabad, S.A.F., & Ruiz del Olmo, F.J. (2020). Arab political cartoons and Facebook: Nadia Khiari, Ali Ferzat and Mohammed Sabaaneh. *Journal of Communication Inquiry*, 45(3), 244-266. https://doi.org/10.1177/0196859920977115

Calogero, R., & Mullen, B. (2008). About face: facial prominence of George W. Bush in political cartoons as a function of war. *The Leadership Quarterly,* 19(1), 107-116. https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2007.12.007

Chan, A. (2007). Guiding public opinion through social agenda-setting: China's media policy since the 1990s. *Journal of Contemporary China*, 16(53), 547-559. https://doi.org/10.1080/10670560701562267

Chen, K.W., Phiddian, R., & Stewart, R. (2017). Towards a discipline of political cartoon studies: mapping the field. In J. Milner Davis (Ed.), *Satire and Politics. Palgrave Studies in Comedy* (pp. 125-162). Cham: Palgrave Macmillan. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-56774-7_5

Chikaipa, V. (2019). Caring mother or weak politician? A semiotic analysis of editorial cartoon representations of president Joyce Banda in Malawian newspapers. *Critical Arts*, 33(2), 14-28. https://doi.org/10.1080/02560046.2019.1655583

Chu, Y. (2021). Politics of visual discourse in China: the corruption cartoon. *Visual Communication*. https://doi.org/10.1177/14703572211058822

Conners, J.L. (2017). Party animals of the 2016 presidential primaries: political cartoon representations of the Republican and Democratic parties. *American Behavioral Scientist*, 61(6), 600-610. https://doi.org/10.1177/0002764217722249

Fauconnier, G., & Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive Science,* 22(2), 133-187. https://doi.org/10.1207/s15516709cog2202_1

Fillmore, C.J. (1985). Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica,* 6, 222–254.

Genova, D. (2018). Grasping political cartoons? Not an easy matter. European Journal of Humour Research, 6(1), 85-99. https://doi.org/10.7592/EJHR2018.6.1.genova

Halliday, M.A. (1973). Explorations in the functions of language. London: Edward Arnold.

Kress, G., & van Leeuwen, T. (1996). Reading images: the grammar of visual design. London: Routledge.

Kress, G., & van Leeuwen, T. (2001). Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication. London: Edward Arnold Publ.

Krstić, A., Aiello, G., & Vladisavljević, N. (2020). Visual metaphor and authoritarianism in Serbian political cartoons. *Media, War & Conflict*, 13(1), 27-49. http://dx.doi.org/10.1177/1750635219856549

Kuipers, G. (2011). The politics of humour in the public sphere: cartoons, power and modernity in the first transnational humour scandal. *European Journal of Cultural Studies*, 14(1), 63-80. http://dx.doi.org/10.1177/1367549410370072

Kwon, I. (2019). Conceptual mappings in political cartoons: a comparative study of the case of nuclear crises in US–North Korean relations. *Journal of Pragmatics*, 143, 10-27. http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2019.01.021

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.

Lakoff, G. (2008). Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.

Lennon, H.W., & Kilby, L. (2020). A multimodal discourse analysis of 'Brexit': flagging the nation in political cartoons. In M.A. Demasi, S. Burke, & C. Tileagă (Ed.), *Political Communication*. *Palgrave Studies in Discursive Psychology* (pp.115-146). Cham: Palgrave Macmillan.

Lin, C.A., & Lagoe, C. (2013). Effects of news media and interpersonal interactions on H1N1 risk perception and vaccination intent. Communication Research Reports, 30, 127-136. http://dx.doi.org/10.1080/08824096.2012.762907

McCombs, M., & Shaw, D. (1972). The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36, 176-187. https://doi.org/10.1086/267990

Moore, M., & Colley, T. (2022) Two international propaganda models: comparing RT and CGTN's 2020 US ELECTION COVERAGE. *Journalism Practice*. https://doi.org/10.1080/17512786.2022.2086157

Neuberger, L., & Kremar, M. (2008). Exploring the Effects of Editorial Cartoons on Attitude Change: An Experimental Analysis. Presentation at the Annual convention of the International communication association], Montreal, Canada.

Olesen, T. (2009). The Muhammad cartoons conflict and transnational activism. *Ethnicities*, 9(3), 409-426. http://doi.org/10.1177/1468796809337432

Samson, A. C., & Huber, O. (2007). The interaction of cartoonist's gender and formal features of cartoons. *Humor-International Journal of Humor Research*, 20(1), 1-25. http://dx.doi.org/10.1515/HUMOR.2007.001

Sani, I., Abdullah, M.H., Abdullah, F.S., & Mohamad Ali, A. (2012). Political cartoons as a vehicle of setting social agenda: the newspaper example. *Asian Social Science*, 8(6), 156-164. http://dx.doi.org/10.5539/ass.v8n6p156

Sanina, A. (2019). Who are you kidding? Visual political irony in contemporary Russia. *Qualitative Inquiry*, 25(4), 432-444. http://dx.doi.org/10.1177/1077800418790292

Soroka, S., Daku, M., Hiaeshutter-Rice, D., Guggenheim, L., & Pasek, J. (2018). Negativity and positivity biases in economic news coverage: traditional versus social media. *Communication Research,* 45(7), 1078-1098. http://dx.doi.org/10.1177/0093650217725870

Sperber, D., & Wilson, D. (1995). Relevance theory: communication and cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell.

Tsakona, V. (2009). Language and image interaction in cartoons: towards a multimodal theory of humor. *Journal of Pragmatics*, 41(6), 1171-1188. http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2008.12.003

Wetherly, P. (2012). Freedom of expression, multiculturalism and the 'Danish cartoons'. In M. Farrar, S. Robinson, Y. Valli, P. Wetherly (Ed.), *Islam in the West* (pp. 36-55). London: Palgrave Macmillan.

Yingchi, C. (2020). On the hypoiconic structure of cartoons. *Social Semiotics*, 32(2), 262-278. http://dx.doi.org/10.1080/10350330.2020.1756587

Zhang, C. (2021). The Sino–US trade war in political cartoons: a synthesis of semiotic, cognitive, and cultural perspectives. *Intercultural Pragmatics*, 18(4), 469-497. https://doi.org/10.1515/ip-2021-4003

Zhirnova, L.S. (2021). Russia and other significant others in Latvian caricatures. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(3), 199-212. http://dx.doi.org/10.46539/gmd.v3i3.196

Zou, S. (2021). Restyling propaganda: popularized party press and the making of soft propaganda in China. *Information*, *Communication & Society*, 26(1), 201-217. https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1942954

Beidina, T.E., & Makarova, Y.O. (2014). National features of propaganda activities in the People's Republic of China. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies,* 8, 41-46. (In Russ.)

Churashova, E.A. (2012). Russian-Georgian conflict in pictures: analysis of accusatory discourse of Western caricatures. *Vestnik NSUEM*, 2, 191-199. (In Russ.)

Denisova, G.L. (2021). Representation of the concept aggressor's defeat in cartoons of the Great Patriotic War. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 61, 204-215. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/1998863X/61/21

Ipeeva, A.A. (2022). The image of Japan in the Soviet caricature during the Japanese invasion of Manchuria in the early 1930s (based on the materials of the "Soviet Siberia" newspaper). *Japanese Studies in Russia*, 1, 20-37. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

Ivanova, E.A. (2018). The image of modern Europe in a political cartoon. *Political linguistics*, 4(70), 77-86. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/pl18-04-08

Lebedeva, I.V. (2021). German carnival – uncensored political elite. *Issues in Elitology*, 2(4), 85-97. (In Russ.) https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.86

Melnikov, S.S. (2018). In-group and out-group in Russian political cartoons: research of the latent meanings of narrative conflict between Russia and the West. *Polis. Political Studies*, 2, 100-114. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.08

Petrova, A.V., & Petrov, M.A. (2019). Complex method of analysis of metaphors in cartoon as a creolized text of political propaganda. *Political linguistics,* 5, 97-104. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/pl19-05-10

Radina, N.K. (2021). Interdisciplinary classifier for quantitative media research based on political cartoons. *Mediascope*, 3. (In Russ.) https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.8

Rogozinnikova, Yu.V. (2018). The images of the presidents of Russia and the United States in a political cartoon. *Political linguistics,* 2, 87-100. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/pl18-02-11

Shustrova, E.V. (2015). Crimea joining Russia: American political cartoon reflection. *Political linguistics*, 1, 66-73. (In Russ.)

Sultieva, L. (2021). Images of the world's political elites in modern political caricature. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2, 117-123. (In Russ.) https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-117-123

Verbitskaya, O.Yu. (2017). An analysis of the political information in the American mass media: a modern image of Russia. *Theories and Problems of Political Studies*, 6(1A), 39-47. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бейдина Т.Е., Макарова Ю.О. 2014. Национальные особенности пропагандистской деятельности в КНР. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. № 8. С. 41-46. EDN: QMGACC.

Вербицкая О.Ю. 2017. Анализ политической информации в американских СМИ: современный образ России. *Теории и проблемы политических исследований*. Т. 6. № 1А. С. 39-47. EDN: YTBADR.

Денисова Г.Л. 2021. Репрезентация концепта поражение захватчика в карикатурах Великой Отечественной войны. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 61. С. 204-215. https://doi.org/10.17223/1998863X/61/21. EDN: WFCCQR.

Иванова Е.А. 2018. Образ современной Европы в политической карикатуре. *Политическая лингвистика*. № 4. С. 77-86. https://doi.org/10.26170/pl18-04-08. EDN: YBTBGP.

Ипеева А.А. 2022. Образ Японии в советской карикатуре в период японского вторжения в Манчжурию в начале 1930-х гг. (по материалам газеты "Советская Сибирь"). *Японские исследования*. № 1.С. 20-37. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2022-1-20-37. EDN: TSQCWP.

Лебедева И.В. 2021. Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры. *Вопросы элитологии*. Т. 2. № 4. С. 85-97. https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.86. EDN: SHFAOD.

Мельников С.С. 2018. Конфликт между Россией и Западом в российской политической карикатуре. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 100-114. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.08. EDN: WALBWH.

Петрова А.В., Петров М.В. 2019. Комплексная методика анализа метафоры в карикатурах как креолизованных текстах политической агитации. *Политическая лингвистика*. № 5. С. 97-104. https://doi.org/10.26170/pl19-05-10. EDN: PJORHG.

Радина Н.К. 2021. Межпредметный классификатор для количественных медиаисследований на материале политических карикатур. *Медиаскоп*. Вып. 3. https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.8. EDN: RQDBWL.

Рогозинникова Ю.В. 2018. Образы президентов России и США в политической карикатуре. *Политическая лингвистика*. № 2. С. 87-100. https://doi.org/10.26170/pl18-02-11. EDN: UOURHY.

Султыева Л.Р. 2021. Образы мировых политических элит в современной политической карикатуре. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 2. С. 117-123. https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-117-123. EDN: LGBXFM.

Чурашова Е.А. 2012. Российско-грузинский конфликт в картинках: анализ обвинительного дискурса западных карикатур. *Вестник НГУЭУ*. № 2. С. 191-199. EDN: OWTLQH.

Шустрова Е.В. 2015. Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре. *Политическая лингвистика*. № 1. С. 66-73. EDN: TWGECB.